

ЕВГЕНИЙ АЛЁХИН

ДЕВСТВЕННОСТЬ

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Евгений Алехин

Девственность

Издательский дом «Городец»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

Алехин Е.

Девственность / Е. Алехин — Издательский дом «Городец»,
2023 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907641-13-6

«Девственность» – поэтическое повествование, детектив памяти. Узнав о смерти своей первой девушки, рассказчик отправляется в медитативное путешествие по собственному прошлому, пытаясь разгадать, кем он был до того, как потерял невинность, и что, собственно, это такое – девственность для мужчины. В какой-то момент происходящее сейчас становится иллюзорным, а события двадцатилетней давности приобретают четкость и выходят на передний план. Насыщенная чувственными событиями и географией жизнь взрослого пролетает перед глазами подростка и вызывает только недоуменную усмешку: этого не бывает. Существует только пригород, от которого не убежать. Также в книгу вошли новые и редкие рассказы и миниатюры. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-907641-13-6

© Алехин Е., 2023
© Издательский дом «Городец», 2023

Содержание

Девственность	6
I	6
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Алёхин

Девственность

© Е. Алёхин, 2023

© ИД «Городец», 2023

© П. Лосев, оформление, 2023

* * *

Девственность

*Каждая новая баба хуже предыдущей примерно в три раза.
Суперборис, продюсер*

I

Много лет назад довелось несколько месяцев прожить с выдающейся поэтессой. Она тем не менее объяснила, что самое важное в книге прозы – два предложения: первое и последнее. Они как двусторонние, передающее самую суть, как запах партнерши, позволяющий понять, возникнет ли страсть и привязанность, либо у вас случится только технический перепихон. Если связать мудрость, выданную поэтессой, с оригинальным и сомнительным высказыванием Супербориса, вынесенным в эпитафию, уже получается шаткая, но все же платформа, на которой можно выстроить камерный роман, посвященный первой любви.

Но удобнее будет начать с последней дамы, то есть с антивеличины, если пользоваться измерительным прибором Супербориса. Рутинное описание последней интрижки и будет тем развернутым биноклем, в котором дальняя первая любовь будет увидена максимально четко. Чтобы не сбивать себя и читателя с толку, естественно, рассказчик обязуется сохранять пост, пока текст не будет дописан. Чтобы не разрывать форму, не калечить тело и не вводить новые данные. Таким образом, на ближайшие полтора месяца наше исследование обретает подобие стерильной лаборатории, в которой не существует пошлого сегодня, есть только вдохновляющее вчера.

Несколько дней назад вернулся с острова Сахалин. Смысл самопальной командировки был таким: прочесть стихи, продать немного книг, чтобы окупить эту поездку, попробовать переспать с какой-нибудь девчонкой (и одинаково порадоваться как успеху, так и неудаче), искупаться в холодном море, перезагрузиться и прилететь к себе во временное пристанище, Владивосток, с новыми снимками и видео для патрона. Немного расширив свою карту мира, вернуться на Русский остров в квартиру-кабинет и написать здесь свой третий роман, у подножия которого, собственно, мы сейчас топчемся.

* * *

– Смотри, это южносахалинская елка! – сказал водитель.

Слева от нас уходил вдаль песчаный берег и страстно шевелилось море; справа – лиственные и хвойные деревья со скошенными кронами, отвернувшимися от воды. Нескончаемый ветер заставил их расти искривленными, будто застывшими под воем сирены беглецами. От такого вида захватывало дух, как от новой литературной формы.

– Никогда такого не видел. Прекрасно, коллеги! – сказал я. – Правда люто впечатляет.

– Не елка, а кедр! – поправила организаторша.

– Елка, кедр, – сказал водитель. – Хуелка, хуедр.

– Наверное, мы можем остановиться тут? – спросил я.

– Саша лучший! – сказала она про водителя и вручила мне полотенце.

Побежал к морю, выбрал точку в самом центре пейзажа на белом песке – золотое сечение прибрежной зоны. Начал раздеваться: ветровка, кроссовки, джинсы голодного до впечатлений пилигрима образовали бесформенную кучку. Сентябрьский бриз продувал, но и солнце пекло.

– Если есть на свете рай – это Краснодарский кра-а-ай! – заорал я, скидывая трусы: вишенка на торте из моих тряпок.

– Нерпы! Смотри: нерпы! Они приплыли для тебя! – непосредственная радость организаторши заставила слегка смутиться. – Я тут живу столько лет, никогда их не видела так близко.

– Ну, если косатку не соблазню, так хоть нерпу, – ответил я и побежал в волны. Несколько раз нырнул с головой, вода оказалась достаточно холодной, чтобы макушку пронзило, как сосулькой. После такого освежающего укола, стоит вылезти на берег, начинаешь непривольно смеяться и чувство счастья переполняет тело вместе с горячими волнами самосогрева. В предвкушении радости волны откидывали назад несколько раз. Легкий испуг: вылезти удалось только на четвереньках. Одна из нерп вынырнула и посмотрела на меня, прощаясь. Скрылась. Я отряхнулся, как пес, вытерся, надел трусы и замер в полном кайфе.

– Курить будешь? – крикнул водитель. Он мерз и сутулился, держа руки в карманах, поглядывал на меня из-за седой бороды.

– В смысле распахмуриться?!

– Как?

– Дунуть в смысле?

– А в каком еще смысле?

– Не знаю пока! Может, и буду.

А что я теряю? Я ведь отказался от алкоголя, а не от всех кайфов сразу. Так что покурили через его аккуратную трубочку. Я не знал, сколько курить: силу наркотика не постичь по внешним признакам, поэтому упоролся хорошенько. Сидели в машине, глядя на волны через лобовое стекло. Организаторша стояла снаружи, раскинув руки, ловила момент, так сказать, ей-то и курить не нужно было. Играла японская инструментальная музыка. Не только мотивы были японские, название группы и композиции были написаны иероглифами. Я указал на смартфон, закрепленный на панели авто, и спросил:

– Как ты это ввел? У тебя есть японская раскладка?

– Ага, японская раскладка! Ты че, брат, накуренный, ха-ха?! Это Дизер мне рекомендует. Ты знаешь Дизер? Лучшее качество музыки, я просто в ахуе. Ничего не надо больше.

– Ты из Ростова?

– Из Грозного. Но в Ростове жил. А что?

– Говор такой, немного южный.

Я положил руки на панель и уставился перед собой. Пейзаж в окне автомобиля – как песня в секвенсоре. Шевелящаяся на ветру трава – основной рисунок ударных, а песок – украшения, которые барабанщик добавляет раз в два-четыре такта. Голубые волны – как басовая партия, однообразная, но каждый палец давит на струну по-особому, чуть интенсивнее; воздух и облака, соответственно, клавиши и гитарное соло; стая птиц – временами приближающаяся к переднему плану скрипка.

– Смотри, смотри, какой же это великий кайф! – сказал я водителю. – Спасибо. Ты понимаешь? Ты тоже видишь? Мир расслоился на музыкальные инструменты.

– Конечно, я же хуйню не курю. Ты как думал? – ответил он. – Раньше тут не найти было хорошего курева. Натуральная. Я лучше совсем курить не буду, чем покурю хуйни.

Какое-то время он рассказывал о студенческой юности в Ростове, о том, как курил и слушал музыку в хороших наушниках. Как его знакомый привез в 1980-е из Европы чемодан аудиокассет.

Телефон водителя зазвонил, и музыка прервалась. Он начал говорить про какой-то договор, забытый курьером в офисе. У водителя была своя контора. Потом отключился.

– Работать только теперь неохота, пиздец!

– Зато хочется есть, – сказал я как раз в тот момент, когда организаторша садилась в машину.

– У меня есть для тебя соевое мясо, – сказала она. – А на квартире тофу, папоротник и еще там корейские салаты. Все по-вегану.

– Да, тофу-у, хочу.

– Тофу по-сахалински, – уточнила организаторша.

– Стоять потом будет, дай бог, – добавил водитель.

– Найти бы применение.

– Найдем! – сказала организаторша даже чересчур активно, будто это была ее святая обязанность.

Для нее исполнить мои капризы – дело чести, догадался я.

Пока мы ехали, водитель начал расспрашивать меня про диету, и я немного занервничал. Тысячу раз приходилось вести эти разговоры и каждый раз чуть-чуть напрягаюсь.

– Есть мясо – все равно что быть первобытным варваром, – пытался я говорить полупуштя. – Это основа, первый класс. Как можно быть такими дикарями? Считаю, что в каждой столовой должна быть одна постная позиция, в управлении каждой организации обязан быть человек, который не ест мясо и молочные продукты.

– А предки, а традиции? Вот грузинская кухня. То да се.

– Да на хуй бы пошли такие традиции! – резко сказал я, и на какое-то время стало тихо. – Лобио, – добавил куда-то в пустоту.

Оставалось несколько свободных часов до чтений. Квартира была такая же, как сотни съемных халуп, в которых я ночевал в турах и путешествиях. Я помыл ванну и включил воду. Объялся, пока она текла, и сделал себе пену, залив в водопад детское мыло. Погрузился, и стало очень хорошо. Педерастично вытянув ноги, обмазываясь этой пеной – решился. Возвел взор и руки к потолку с искренними словами:

– Бог репа и бог Сахалина. Дайте мне, пожалуйста, хорошие чтения, дайте мне интрижку, дайте мне спокойно и в кайф провести эти дни. Я продолжу делать свою работу, вернее, трудиться, без этого корня – раб. Реп (и литература вообще) останется величайшим ремеслом для меня, а остров Сахалин будет воспет в повести, которую я напишу. Так или иначе, но в долгу не останусь... – и боги подмигнули мне.

Боги дали все, о чем я просил.

* * *

Последние дни отпуска – так я воспринимал время на острове.

Мы с девчонкой сели в маршрутку и приехали в маленький портовый город Корсаков.

– Здесь вроде есть индийское кафе, – сказала она.

– Тогда там может быть ведж-тали. Или хотя бы самосы с овощами.

Мы прошли город насквозь через местный Арбат; оказалось, что индийского кафе больше нет. Искали выход к морю, шли по пыльной дороге, уводящей под гору в никуда. Солнце разогрелось на полную, и мы сняли куртки. Вдоль дороги, как нездоровые зубы, торчали полуразрушенные бараки. У одного из них на детской площадке играли дети. Увидев нас, они замерли, глядя как на инопланетян. Ощущение было, будто я забрел за край карты, куда заходить нельзя. Сценка из фантастического триллера, то ли Кэмерон, то ли «Театр Рэя Брэдбери».

Потом людей совсем не стало, только редкие машины. Мы шли вдоль длинного забора. Воняло тухлой морской капустой.

– Может, нам повернуть назад? – спросил я.

– Думаю, что мы вот-вот выйдем к морю. Не ной.

У меня заболело колено. Идти получалось, лишь явно прихрамывая. Детская травма обострилась после расставания с К., и будет мучить, пока я о ней не забуду, пока не прими-

рюсь. Дни были насыщенными: я отчитал стихи, погулял в ночном парке, потом организаторша неудачно пыталась сосватать мне одну красотку по фамилии Малыш. Вернувшись в съемную квартиру в ту ночь, я воспользовался отметкой в инстаграме – позвал девчонку в гости. Приметил ее на чтениях, когда она спрашивала в кафе, где я читал, есть ли что-то по-вегану в меню. Веганки лучше пахнут, между веганкой и мясоедкой всегда выбирай первую – такое правило. Но я ему не то чтобы следую. Тогда она согласилась приехать, сама пила пиво, а мне привезла острых вкусняшек. Рассказывала и рассказывала о своих путешествиях с театром, а потом я ее поцеловал. В общем, когда я был один, то гулял сам по себе в городе, зажатом между гор и продуваемом морским ветром, или читал рассказы Чивера. Остальное время мы гуляли вместе. В том числе по горам, а также катались на фуникулере.

А теперь оказались на пыльной дороге, конца ей не было, и дорога вела вдоль забора, за которым скрывались какие-то важные стратегические объекты.

Наконец забор закончился, а запах морской гнили усилился. Мы вышли на берег, солнце скрылось за тучами, небо было серое и бескрайнее.

– Вот что это за вонь.

– Морская капуста.

Ее было очень много. Как магнитная лента из миллиарда аудиокассет кудрявилась по берегу, на сколько хватало глаз. Несколько маленьких, по двое-трое, групп людей гуляли тут, не смущаясь этого запаха. Однако я встал раком, голова закружилась, начались спазмы. Желудок был пуст, поэтому рвотные позывы заканчивались ничем, но остановить их я не мог.

В результате лишь выплюнул немного желчи прямо в зеленые вонючие кудри.

– Ты просто не привык. Так бывает.

Я отошел к стоянке, лег на каком-то бордюре, а девчонка пыталась вызвать такси. Но машины сюда не ехали. Меня совсем размазало.

– Пойдем другой дорогой, так мы срежем.

– А ю шур? – спросил я, пытаюсь собрать воедино двоящееся изображение.

– Да, срежем-срежем. Это я протупила просто. Есть выход отсюда, смотри: она ткнула мне в рожу недогруженную карту, из которой я не понял ничего.

Мы взобрались на гору, откуда было видно железную дорогу (по которой, однако, не проехало ни одной электрички) и фрагмент моря. Ели оливки, капусту кимчи, а также батончики арахис-финик. Непонятно, каким чудом все это добро оказалось в захолустном магазине. Конечно, с наценкой под сотню процентов, это же остров.

Девчонка была начитанная. Литературная, так сказать, девчонка, и поэтому мы говорили о книгах. Зачем-то она читала даже современную русскую литературу.

– Уже пишешь книгу? – спросила она.

– Почти пишу. Приеду и начну, вроде бы план есть в голове и даже в заметках, – для убедительности указал ей на айфон.

– Это роман? Или рассказы?

– Вроде бы роман. Или поэма в прозе, как посмотреть.

Она задумалась ненадолго, пошевелила носом и прищурилась – такая у нее была фишка, некое деревенское обаяние.

– У тебя есть референс? На что он может быть похож?

– Ну, ты читала мои романы? У меня их два.

– Нет, только рассказы.

– Вот если прочитаешь первый, «Календарь», станет ясно, наверное. Как бы объяснить.

Ты читала Бротигана?

– Кажется, про ловлю форели...

– Вот. Меня интересует сейчас не сама эта книга. Просто я лет пятнадцать назад прочитал несколько его романов, и на одном, по-моему, как раз на «Форели», была такая аннотация.

Что Бротиган писал не романы, а нечто близкое к ним по форме, но в собственном жанре – бротиганы. Когда я писал «Календарь», подумал, что я как Бротиган – сам в себе, только пишу не бротиганы и уж тем более не заслуживаю назвать жанр собственной фамилией. Но что я пишу календари. Моя цель прибить к стене какой-то момент, какой-то день, какую-то тему и часть жизни. Может быть, текущее ощущение. Чтобы из жизни можно было извлечь каплю смысла. А иначе, если я это не сделаю, смысла совсем не будет.

Она пожала плечами.

– Об этом писал Бродский в эссе. Что суть поэзии в том, чтобы придать смысл событиям. А ты делаешь это в романе, получается.

– Наверное, писал, не знаю, – настала моя очередь пожимать плечами. – Не очень знаю его, не цепляет. Для меня поэзия – жизнь, чувство, ключ. А проза типа как инструкция. Необходимая документация, чтобы выжить. Но они друг без друга никак, никуда. Вообще считаю, что настоящий роман может написать только поэт, а если человек не поэт, он пишет беллетристику. Романист – это же само по себе хуйня какая-то. Если бог репа не слышит автора, то выходит мазня тупая.

Мы посмотрели на воду, ее внимания хватило секунд на тридцать. Взяла телефон.

– А еще я хочу написать универсальную инструкцию для всех фотоаппаратов. Электрички вообще не ходят тут?

– Ходят, но редко. Две-три в день. Какая центральная тема романа?

– Девственность.

– Ха-ха, ты, кажется, от нее далек.

– Сейчас далек. Но когда вернусь к себе, она снова будет близко. По большому счету я ее и не лишился. Вот я и пытаюсь понять, что должно с мужиком произойти, почему некоторые чувствуют себя мужиками. А че ты не ешь?

– Хочешь мой батончик?

– Давай.

– Вернулся аппетит?

– Морскую капусту я теперь долго не буду есть.

Девчонка скривила веснушчатое лицо:

– Просто не привык.

Я взгляделся в нее, чтобы запомнить.

– Капустка, – сказал и засмеялся.

– Капустка, – кивнула она как-то вбок и со смешком.

Она рассказала немного о себе. Вообще-то, во второй раз, не помнит, наверное, что уже все говорила в первую ночь. Но я все равно выслушал, глядя вниз на утекающее время.

По образованию актриса, сейчас преподает детям актерское мастерство. Уже жила в других городах: Перми и Петербурге, но сейчас хочет уехать в Норильск или в Воркуту. Девчонке интересно, что такое полярные ночь и день и как на это будет реагировать организм.

– А я вроде бы никогда не спал с актрисой, – только и ответил я. – Думал, что это дурная идея.

– Ну и как? Сойдет?

– Да вроде бы все нормально прошло. Понял, что это суеверие! – я поцеловал ее. Первый и последний раз сделал это не ночью и не в постели. Она беззвучно засмеялась, убрала губы и подставила щеку. Как будто действительно днем делать этого не следовало и дальше френдзоны маршрут можно проложить только в темноте.

Ну да, запомню ли я тебя? Последний месяц я живу на Русском острове и туда должен был завтра вернуться. Пару раз мне доводилось не узнавать хозяйку квартиры, которую я снимаю. Она помладше меня, бодрая женщина, можно даже сказать горячая, харизматичная. Хоть и никак это не проявляет, но чувствуется энергия. Но я могу встретиться с ней у падика и

затупить: она это или нет? На всякий случай говорю «привет» всем женщинам ее возраста, а их, кажется, три или четыре живет в нашем подъезде. Сейчас подумал, что с моей спутницей та же ситуация. Ну, я мог бы описать какие-то особенности, цвет волос, фигуру или то, как она хихикает, как бы проявляя сочувствие словам. Вот она сидит рядом, но ее как будто и нет, то есть в ней уже нет смысла. Я провел с ней несколько дней и мог бы не узнать при встрече. Думаю, у меня начинается что-то вроде любовной деменции, межполовая слепота. Когда ты объездил страну несколько раз, подписывал книги, фотографировался, целовался с людьми, проводил время с сотней девчонок, все они в какой-то момент уже утратили важность, индивидуальность. У меня закончились ярлыки. Плохо ли это?

Но само творчество не ушло. Оно все еще со мной, и страсть к нему сейчас на пике. Последние два года бог репа дает ответную силу. Надеюсь, что это так, что это мне не кажется. Все-таки я чередую: песни, стихи, проза, видео, монтаж. Литература – главная любовь, работа с текстом. Монтаж я почитаю как отдельное и равновеликое божество, мои жертвы для него скромны, и не хочется даже приближаться к этой профессии, а ограничиваться только своими любительскими нуждами. Мне кажется, самое печальное и показательное – творческая деменция режиссера монтажа. В какой-то момент все эти сюжеты, истории, изображения судьбы перестают для тебя что-то значить. Ты просто кидаешь хлам на монтажную область, пялишься в монитор и уже ничего не видишь. Но продолжаешь врать, что разбираешься в вопросе, и получать деньги за свою работу, – которой становится ложь.

Я не хочу такого.

Ведь ты профессионал, и у тебя есть ряд тупых правил, за которыми можно спрятаться. Здесь у нас поворот истории. А здесь давайте возьмем крупняк. Это не отражение мира, это шляпа, залупа, чушь-хуета.

Когда мы ехали в маршрутке, водитель говорил по телефону. Он взял у меня тысячу рублей и несколько остановок не отдавал сдачу. Когда он закончил разговор, я спросил:

– Сударь, вы не желаете отдать мне сдачу?

Он ничего не ответил. Девчонка сказала:

– Похоже, что оскорбился. Это было грубо.

– Сударь? Это грубо?

– Я это сделаю. Верните, пожалуйста, сдачу с тысячи!

Водитель сразу отсчитал ей. Может быть, я просто уже в книге? В реальности меня нет, а девчонка – медиум, и только она может взаимодействовать с обоими мирами.

Ей нужно было съездить к себе домой переодеться, а я остался один. Повалился в постели, чередуя Ютуб и Порнхаб, написал пару строк к длинному стихотворению, которое, видимо, никогда не будет закончено. В одном рассказе из книги «Ангел на мосту» зацепился за мысль, что люди, приезжающие на курорт, часто заранее относятся к событиям как к своему прошлому. Ты вроде бы здесь, но это уже часть истории о том, как ты отдыхал в специализированном месте. Такое же было со мной в эти дни. Списанное время, об этом я думал – и вошел в транс, лежа на большой кровати, на которую была накинута маленькая и не подходящая по размеру простыня. Таращась на белые обои хаты – здесь, но мимо.

Вечером смотрели фильм «В погоне за Эми». Мне нужно было дойти до сцены, где герой Джейсона Ли рисует перекресток и предлагает герою Бэна Аффлека разгадать незамысловатую загадку:

– ...смотри. В центре перекрестка лежит стодолларовая купюра. А на дороге стоят добрая лесбиянка, не преследующая никаких политических целей, злая феминистка и мужененавистница, а также Санта Клаус и пасхальный кролик...

Я остановил, перемотал на начало сцены и стал снимать на телефон этот фрагмент для сторис в инстаграме. Опять дошли до места, и далее по фильму следует вот что.

Бен Аффлек спрашивает:

– Ну и к чему ты это рассказал?

– Это важный психологический тест! Так кто из них первым возьмет купюру?

– Ну, злая лесбиянка. И что все это значит?

– А почему она? Да потому что все остальные – выдумка (Джейсон Ли использовал слово «фикшн»)! Они существуют только в твоём воображении!

Мы уже сильно хотели спать, и я надеялся, что не придется трахаться.

– Дальше ничего хорошего уже не будет – это главный момент в фильме. Захочешь, сама досмотришь, ладно? Тут Кевин Смит читает самый длинный монолог за свою актерскую карьеру. Хотя бы ради этого.

– Обязательно досмотрю.

Я рассказал девчонке, что режиссер Кевин Смит не так давно стал веганом, показал его инстаграм, порекомендовал подписаться. «Вот какой он сейчас худенький». Надеялся, что все-таки и она, молоденькая, приобщится к его гению, полюбит одну из значительнейших фигур для моего поколения. На том мы закончили день. Но ночью девчонка разбудила меня, крепко взяв за хуй. Какое-то время я не мог понять, снится это или нет, и она взяла в рот, а мне все еще не хотелось переступить через границу грез. Секс был работой, которая ждала меня. Неужели это все: три ночи желание было, но на четвертую фитилек погас? Открыл глаза, приучился видеть во тьме и сконцентрировался на черном секси-лифчике. Запустил в него руки, закинул ноги девчонки себе на плечи, двигался в ней плавно, до упора, останавливаясь в финальной точке, как бы треть секунды раздумывая. Менял ритм и одновременно пытался вспомнить сон, который не досмотрел. Нет, дело не в девчонке. Во сне я опять переписывался с К. – своей любовью этого года. Она была как черная глубина, в которую я спустил всю любовь к женщинам вообще, сила, теперь враждебная и лишенная сострадания. А я пытался напечатать ей послание, в ответ же раздавалась только злоба.

– Почему ты стала такой жадной? Почему ты не оплатила посылку в СДЭКе, ведь это низко, грубо, пошло, это чистое зло, чистое ебаное зло... – отстукивал я ей азбукой Морзе. – Ведь я и так все оставил тебе. Я отдавался тебе, служил тебе. А ты не оплатила посылку, да как же так, никакой брезгливости, какая же ты тварь, меркантильная и жадная, это невозможно!

К. выскребла все подчистую, хоть и строит из себя обиженную, это она – животное-хищник, или, как теперь говорят, абьюзер. Но я все-таки не останавливался, качал ей назло этот насос, пока не брызнул на живот девчонке. Где-то тут рядом валялось специальное полотенце, я потянулся за ним, бросил на лужицу, а сам лег на спину, чтобы отдышаться. Телефон лежал у кровати, и я дотронулся до экрана. До самолета оставалось шесть часов.

* * *

Второй раз подряд выпало худшее место в самолете: последний ряд и между людьми. Неужели все, кроме меня, даже здесь, на самом краю земли, научились проходить электронную регистрацию? Я ни разу в жизни ее не проходил: какой смысл, если тебе все равно надо подходить к стойке, оформлять багаж или получать бирку ручной клади. Электронные регистрации как очередная бюрократическая подлость – соглашаясь на нее, ты снова отсасываешь сатане. Ладно, перелет короткий, так что не страшно. Скоро я буду дома, на Русском острове. Выключил телефон, уснул, проснулся, и мы приземлились. Включил телефон и заказал такси, когда пассажиропоток двинулся на выход.

Таксист пожурил меня за то, что я сильно хлопнул дверцей. Что я могу поделать, просто ненавижу автомобили «Тойота-Приус». Такая же тачка была у Вероники, жестокой и чрезвычайно обаятельной женщины, к сожалению, лишенной глубинной эмпатии.

Подсознательно я мщу ей, хлопая дверцами всех «Приусов», на которых, кстати, ездит большинство таксистов Владивостока. Серебристый цвет – близнецы ее машины – самый частый раздражитель в этой большой деревне.

Первая точка маршрута – офис «Деловых линий», где нужно было получить матрас из «Икеа». Руки уже начинали зудеть, скоро я организую пространство и возьмусь за книгу. Пришло сообщение от мужа хозяйки в ватсап. Он спрашивал, в каком магазине я оставил ключ от квартиры. У его семьи два или три магазина в поселке, и я уже говорил ему, где оставлю ключ.

Но суть не в этом, а в том, что его сообщение означает, что: 1) он не вытащил разломанный диван за эти дни, 2) он не поменял протекающий бойлер, который еще и бьет меня током, когда я моюсь, 3) в рот я ебал жить у такого хозяина.

Мое жилье оплачено до 9 ноября, потом я лечу в Москву и Петербург по делам дней на десять. В этот момент я понял, что не хочу возвращаться. Я зашел в офис, отстоял очередь, и мне дали бумажку, с которой нужно было идти к складу. Там еще одна очередь. Я прикинул: ждать минимум час. Ладно, решил вернуться завтра, когда нервы мои окрепнут.

Дверцу «Приуса» закрыл максимально аккуратно, чтобы таксист простил мне все обиды.
– Все, мы уже едем? – спросил он.

– Да.

Сначала нужно въехать на красивый, как в Сан-Франциско, мост, соединяющий остров с материком, потом проехать Дальневосточный университет. То слева, то справа видно море, холмы, сопки. Одно из лучших мест на земле. Потом трасса заканчивается, какое-то время нужно ехать по грунтовке. Водитель начал задавать вопросы относительно острова и чуть не съехал в кювет. Часом ранее, когда он меня журил, я выставил ему три звезды, но теперь исправил на пятерку; меня развеселило, что он чуть нас не угробил. Ненадолго поднялось настроение.

Добравшись до поселка Подножье, я забрал ключ в магазине и вошел в дом. Пока я ехал в такси, они успели забрать грязное постельное белье и полотенца. Но чистых полотенец не было. Ладно, пошел на пляж, все равно.

Буду вытираться футболками. В мозгу начался процесс, формировалось какое-то препятствие, ненависть к миру, неверие в творчество, в то, что заряд сможет пробить эту воображаемую стену. Скепсис материализовался в неприятие всего вокруг. Сделал усилие: пока требовалось лишь не проверять Интернет и читать как можно больше. Пару дней впитывать в себя слова.

* * *

Я скачал на электронную книгу несколько романов, которые читал в юности, чтобы вернуться к себе тех пор, каким был в момент нашего знакомства с Элеонорой.

Погода испортилась, море стало почти холодным. Я нырнул и поплыл. Есть в архиве эпизод, который застыл и стал частью меня. Аккуратно заглянул в воображаемый ящик, и сразу же пошло. Эпизод ожил, пока я задержал дыхание и плыл под водой, промерзая до внутренностей. Эта сценка всегда была рядом, простенькая и вечная. Июнь 2003, 18 лет назад, ровно полжизни. Прохладно, мы сидим на лавочке за пятиэтажной змейкой. Вид на этот дом, там живут мои друзья Миша и Тимофей, там же раньше жил Лёджик, высоковольтную линию и гаражи.

Элеонора вытянула ноги и сложила их на меня. Вот-вот пойдет дождь, воздух остывает.

– Я передумала, – говорит она. – Теперь я ревную.

– Люблю, когда ты говоришь о себе не в мужском роде. Придурь какая-то. Будь девочкой всегда.

– Сам будь девочкой, Евгений, – капризным голосом отвечает Элеонора и в шутку ударяет в плечо кулачком.

У нее детское лицо, ей можно дать и пятнадцать, хотя она немного старше меня. Когда она кривится, похожа на капризного ребенка. Сначала мне это не нравилось, но потом стало вызывать эрекцию.

– Сейчас опять поднимется.

– Опять?

– То есть теперь ты ревнуешь?

– Да. Я тебя люблю. Я не хочу, чтобы ты с кем-то еще трахался.

– Ты раньше не говорила, что любишь, спасибо.

– Больше не скажу, будь спокоен.

– У меня и не встал тогда. Думаю, что у меня не встанет, только на тебя. К тому же ты уходила, помнишь? Я и не собирался ведь.

– Помню-помню. Больше я не уйду. Если не будешь ни с кем спать.

– Даже с Олей?

– С Олей можно. С той, кого я одобряю.

Да мне и не хотелось спать с Олей. Это была ее идея. Мы обнимаемся и молчим. Потом я еду из пригорода в центр проводить ее. Мы шаримся по каким-то кустам в поисках уединенного места.

– Давай прямо под деревом, да?

От возбуждения я не могу остановиться и быстро кончаю. Но она не ругается, гладит меня по волосам, пока я восстанавливаю дыхание, оперевшись о кору. Я отвожу Элеонору к девятиэтажке, где она живет у своего дедушки, журналиста и поэта, автора каких-то городских гимнов и пошлых текстов. Она гордится дедушкой. Поднимаюсь до двери и целую Элеонору. Не могу отпустить, но отпускаю. Еду на лифте один, иду на позднюю маршрутку, сижу на остановке под центральным почтамтом, долго сижу, голова ватная. С Олей у меня тоже не вышло, когда Элеонора пыталась устроить этот тройничок: по сути, девочка у меня была одна, этого было достаточно. Мне кажется, что я был такой же моногамный мужичок, как и мой отец.

* * *

На второй день я простоял два часа в очереди у склада «Деловых линий». Мужчины молчали, плевались, теребили папки, спрашивали, кто крайний. Была даже одна бодренькая бабушка с клоком волос, растущим из щеки. Из огромного склада тянуло ветром, как из морга. Сотрудник, похожий на перекачанного хоббита, взял квитанцию, пошел за моим матрасом, но вдруг развернулся и протянул бумажку обратно:

– Какое сегодня число?

– Двадцать восьмое.

– А здесь двадцать седьмое. Так нельзя.

– Как «так нельзя», сударь?

Он нарисовал бесконечность в воздухе моим измятым клочком бумаги.

– Но я вчера не успел получить. Стоял здесь час и не успел.

– Я не могу выдать, вам придется брать новую квитанцию, – хоббит смотрел на меня непроницаемым и мертвым взглядом.

– То есть опять стоять два часа в очереди?

– Да.

– Может быть, вы пока вынесете матрас? Я схожу в офис и вернусь с новой квитанцией.

– Я попробую.

– Выносите. Второй раз стоять не буду, я ебал.

– Хорошо, я вынесу, – и себе под нос: – А я не ебал?

Я простоял на проходной минут двадцать, психанул и написал заявление на отказ от матраса. Отметил в инстаграме «Икеа» и «Деловые линии», выложил несколько снимков территории. Худшая служба доставки, а цены самые высокие в РФ, – запульнул им такую антирекламу.

Точно, как я забыл, ведь уже было с ними! Как-то раз типография отправила мне книги в город Калининград «Деловыми линиями». «Линии» взяли оплату, но заказ не отправили, так как в то время уже ужесточили таможенные правила из-за карантина. Мало того, что не вернули деньги за отправку, так еще взяли дополнительную оплату за то, чтобы привезти книги просто на адрес в Москве. Несколько дней звонил и пытался разобраться, а потом просто забил: и так понятно, что руководство этой обоссанной конторы поголовно передохнет от рака жопы. Спасать их не имело смысла.

Но я же не знал, что «Икеа» отправит этой службой. Или же в заказе было указано?

Ладно. Просто плюнь на это, есть вещи важнее. Черти уже живут в аду, не стоит пытаться с ними воевать на их территории. Просто не пускай их в свою жизнь. «Деловые линии» казнены в рот по факту. Эй, вы! Защеканы! Привет и пока!

Дома я подготовил письменный стол. Оставил только то, что мне может понадобиться: ноутбук, колонка, фотоаппарат, жидкость для протирки экрана и тряпичная салфетка. Наверное, завтра утром возьмусь за первую главу.

А сегодня нужно дочитать роман. Это был текст, который, помню, читал в юности – «Слушай песню ветра». Может, не самая великая книга, но она оживляла воспоминания. Да и нравилась мне до сих пор, взять только линию выдуманного писателя, у которого рассказчик учится мастерству.

Читал, потом готовил есть. Видимо, случайно включил вайфай, и электронная книга, не спросив разрешения, обновилась. По глупости недавно я купил себе «Киндл», не изучив вопрос. Винить тут некого, кроме себя – нужно прочесть тысячу отзывов, если не хочешь, чтобы реальность тебя изнасиловала. Оказалось, что на «Киндл» просто так не закинуть тексты ни фб2, ни епаб: нужно установить дополнительную программу, откалибровать, так сказать, файлы, и только потом ты сможешь что-то читать. Но я справился, спокойно воспринял, что это часть реальности, которую нужно преодолеть. Калибратор почему-то копировал книги так, что они сохранялись в двух экземплярах, и приходилось убирать одного из близнецов-файлов. Но сейчас, с обновлением, возникла новая проблема. С первой проблемой я разобрался. Нашел, закинул те романы из далекой юности, которые сейчас требовались мне.

До обновления ты мог нажать на циферку над словом, которое требует разъяснения – пройти в конец книги по сноске и тут же вернуться на исходное место, чтобы продолжить чтение. Но эти председатели говна из «Амазона», видимо, совсем упоролись, и с обновлением возможность вернуться в исходное место исчезла. Вместо нее теперь красовался возврат к содержанию, в раздел Библиотека. Несколько часов изучения инструкции, попыток откатить прошивку, многочисленные сбросы, а также создание нового аккаунта на «Амазон» ничего не дали.

– Ты сука, ты блядь, ты мразь, ты тварь. Я понимаю, что я должен с тобой сделать, но не сделаю этого. Вся эта энергия, эта темная сила, которую вы, гниды, те, кто делает такие устройства, поднимаете со дна моей души, либо будет направлена на вас, либо трансформируется в созидательное творчество.

Мне хотелось позвонить кому-то. Я даже набрал своего приятеля, который живет здесь рядом и с которым мы пишем песни. Но тут же сбросил. Что я мог ему сказать? «Привет, Сева. Я хочу разьебать электронную книгу, потому что новая прошивка – это ад. А еще я очень одинок и хочу любви, но не понимаю, как до нее дорасти». – А Сева бы ответил: «Ты старше меня на три года, Женя, и сам знаешь, что хуй я в чем преуспел, только двоих детей сделал от

разных женщин, но сам постоянно в агонии от мыслей, что смерть заберет меня раньше, чем я поумнею! Обнял, брат!»

В одежде лег под одеяло, пытаюсь плакать, но вышло только злобное рычание. Мне одиноко, блядь, одиноко нахуй, и сам я в этом виноват.

Мне позвонили из «Икеа». Извинились, сказали, что деньги вернут, а с «Деловыми линиями» разберутся. Я не верил своим ушам.

– Спасибо, вы спасли мою жизнь.

Вышел на улицу, прогуляться по деревне. Настал вечер, турнички ждали меня. Подтянулся одиннадцать раз и сказал:

– Спасибо, дорогие шведы. Вы очень обходительны, спасибо-спасибо! Ничего о вас не знаю, только то, что живете вы на Балтийском море и убиваете себя почему зря. Но меня-то спасли. Спасибо.

Ой, это не вы! Не вы убиваете себя! Я спутал Швейцарию и Швецию, ну не идиот ли? Похоже, у меня слабоумие. Похоже, я расист!

Единственный швед, которого я вспомнил, – актер Дольф Лунгрэн (чья карьера взлетела после того, как он сыграл Ивана Драго, противника Рокки Бальбоа, Сибирского быка). В принципе, даже если они кончают с собой реже, чем мы, русские, Дольф вполне может быть в зоне риска. Я представил, как он, еще не старик, но уже перезрелый мачо и пьяница, печально и благородно машет мне своей огромной рукой с другой стороны материка: хоть уже и занес ногу со скалы над холодными и беспокойными водами Балтики, но все еще морально помогающий другим людям. Его пытливый взгляд еще секунду направлен в объектив камеры, но вот кадр снят. Дольф отворачивает свое не умеющее улыбаться лицо обратно в бездну; ничего вокруг больше нет, только он – и пустота.

* * *

Последний раз я видел Элеонору в Москве десять лет назад. Было пять утра, я ехал на работу в офис, находившийся на дальней «Кунцевской». В вагоне метро почти никого не было. В состоянии полусна заметил, как она вошла в вагон, сонная и нездоровая с виду. Элеонора не стала садиться, просто стояла и смотрела на дверное стекло, туда, где надпись «Не прислоняться» летит через тьму тоннеля, прорезаемую трубками, проводами и черточками. То мне казалось, что это Элеонора, то казалось, что это не она. Стеснялся подойти, засыпал и просыпался, когда объявляли очередную станцию.

Когда понял, что следующая – моя, прошел и встал рядом, теперь точно стало понятно, что это – Элеонора.

– Привет, – сказал я или даже не сказал, а просто подумал.

Протянул руку, ладонью к ней, она ответила. Была поздняя осень, время и без того сонное, я какое-то время соприкасался с маленькой рукой Элеоноры в перчатке.

Она так ничего и не сказала, и я вышел. Еще повернулся, когда двери закрылись, последний раз отделив Элеонору от меня, а взгляд ее так ничего и не выражал, я даже не понял, узнала она меня или нет, ни улыбки, ничего, никакого признака, никакого ответа. Но не было у меня беспокойства в то утро, только апатия. Ведь и я тоже не улыбнулся, не обнял ее, скорее, продолжал спать. А она спасла меня за пару лет до этого, и, может быть, ей теперь самой нужна была помощь. Кажется, мне всегда было известно, что она умрет раньше. Первая – умрет первой.

Секундочку.

А как же Тумас Транстремер? У меня даже его книга стихов лежит на подоконнике, притом в оригинале – ее мне прислала слушательница репа, проживающая в Швеции. Ведь я даже пытался учить шведский язык в начале 2019. Врубал записи чтений стихов Транстремера,

открывал оригинал в одной вкладке и в другой перевод, выписывал слова, произносил стихи за Транстремером, и мой мозг погружался в мрачно-романтические галлюцинации. Еще я тогда пытался учить французский, немного немецкий и целыми днями дробил гитару. Друзья, у которых я жил, и те, с которыми переписывался в то время, заподозрили неладное, когда я перестал спать. Так и стали подкармливать меня нейрорептиками.

Ну их, этих шведов.

* * *

Сегодня ночью приснился кошмар, но не испугал меня. Это был какой-то мрачный сюжет с огромным количеством насилия, и смертельного, и приводящего к инвалидности. Например, мою спутницу (по ощущениям, эту героиню будто играли несколько европейских актрис по очереди, с каждой монтажной склейкой лицо менялось) избили настолько, что она лишилась глаз. Их ошметки были размазаны по лицу, но она скорее злобно рычала, чем была в отчаянии. Сперва я был внутри, в кошмаре, был героем и переживал все как участник, пытаюсь оказать сопротивление злу, воплощенному в жестоком маньяке-антагонисте. Но я действовал хладнокровно, переживая события как тяжелую службу, которую тем не менее принял. К концу сна все это переместилось в маленький телевизор с выпуклым экраном, стоящий в пустой комнате на табурете. Меня уже не было, а если был, то как растворенный в воздухе наблюдатель. Воздух в комнате – вот кем был я. Таков мир, с этим бессмысленным злом. Неужели ничего и никогда не изменить? Когда проснулся, не было и тени страха, лишь задумчивый паралич.

Немного погуглил по ключевым образам сна. Среди прочего бреда нашел такую трактовку: неуверенность в себе, одиночество, страх жить реальной жизнью. Наверное, все так и есть.

С тех пор, как я сходил к Чудо-деду и вслух заявил о своем решении (можно с прописной буквы: Решение!), чувствую себя очень одиноким.

II

Дошел до Чудо-деда, и расхотелось писать прозу. Ей на смену пришли дни овощного существования. Спал часов по двенадцать. Толком не помню, как написал несколько стихов и смонтировал ряд видосов. Будто зомби был занят этим. Успевал только делать текущие дела (удаленно), которые и делами-то не назвать: отправил файлы в типографию, повысил свою бывшую любовницу до сотрудницы. Теперь она управляет моим книжным издательством в Москве, пока я лениво распоряжаюсь через «Телеграм».

Только вчера стало хорошо. Благодаря, видимо, тому, что начал практиковать интервальное голодание. Появилась энергия, и сперва было непонятно, что с ней делать. Прежде подышать кислородом, потом возвращаться к творчеству. С утра решился дойти до края острова, до одного мыса. Так я оказался на местном кладбище, где мне встретились пять собак. Некоторые лаяли и бегали вокруг, норовя укусить, оставшимся было плевать. Я поднял руки, чем заставил их сосредоточиться. Сказал жестко, но без агрессии:

– Коллеги! Я вас не знаю и знать не желаю. Считайте, что я – один из покойников. Кто подойдет близко, получит по морде. По ебалу, проще говоря. Вкурили?

Собаки перестали лаять и пропустили меня к обрыву. Сзади – материк, спереди – океан и точки грузовых судов. Если вы не понимаете себя, горячо рекомендую добраться сюда или любого другого моря в это время года. Осеннее море расскажет вам все, что нужно знать о вас самих.

Я решил, что моим коленям необходимо авокадо и кокосовое масло. Что ж, вот и цель: сесть в маршрутку, доехать до города, зайти в магазин, погулять по центральной набережной. Набке, как говорят местные.

Напротив меня в дороге сидела девочка-подросток, которая спала и одновременно жевала жвачку. Ее голова почти падала то влево, то вправо, но возвращалась на место – девочка держала все под контролем, и челюсти работали как надо. Да, башка замирала в паре сантиметров от плеч соседей, с тем чтобы вернуться в исходное положение. Один раз, не просыпаясь, девочка даже надула пузырь. Сейчас в основном жуют без страсти, а в моем детстве жвачка была настоящим праздником и культом: «Турбо», «Бомбибом», «Лав из». Вкладыши, дырявые желудки. На мои семь лет бабушка подарила семь жвачек. Я сделал из них слоеный пирог и засунул в пасть.

– Даже ни с кем не поделишься? – удивилась бабушка.

– Не додумался, прости!

– Я-то что прости. Вон с Лешей поделишься, может?

Тогда я достал изо рта пожеванную массу, промыл под краном, скорее чтобы удобнее было разделить без липких слюней, чем из гигиенических соображений, и выдал сводному брату (на четыре с половиной года старше). Он с благодарностью взял, пихнул в пасть, у него и мысли не возникло, чтобы побрезговать таким даром. Чавкали на пару несколько часов.

Мы проехали грунтовку, и я достал электронную книгу. Все равно качало, но я вцепился в прибор, представив, что снимаю видео на ходу. Все-таки опытный оператор без проблем стабилизирует данную ситуацию. Но тут меня взбесил еще один момент: после режима сна книга иногда переставала показывать прогресс чтения.

Это были дневники Фаулза, самое начало (притом что я не читал его романов), но, сходяв по первой же сноске, не смог вернуться обратно. Слово «Подж» было помечено циферкой. Что такое? Имя, или духовный сан, или же какое-то сокращенное ругательство, ставшее прозвищем человека? Не прочитав пояснений, нажал кнопку назад, чтобы проверить. В надежде на чудо, что удобство навигации вернется в мир моего чтения. Нет. Выбросило в главное меню. Эта

книга должна быть уничтожена. Не дневники Фаулза, но устройство, с которого я их читаю. «Киндл» явно пытается меня убить.

Обида пронзила целиком, и всю оставшуюся часть поездки приходилось сдерживаться, чтобы не выбежать из маршрутки и не начать долбить свой ебук о первую попавшуюся остановку. Но на конечной, встроившись в поток высираемых маршруткой человечков, уже расплачиваясь (как тут принято – на выходе), успокоился.

Дальний Восток – не место для решившего сэкономить на еде. Упаковка из двух авокадо сорта хасс обошлась почти в четыре сотни. В Калининграде ровно в два раза дешевле, вот вам и разлет цен. Чтобы получить небольшую скидку, украл несколько диетических батончиков. На набережной не спеша съел все, и было очень хорошо. В последнем батончике, правда, попалась косточка – решил впредь не связываться с этой маркой. Наверное, третий был лишним, в этом ли смысл неудачи?

Я реально стал ощущать, что моим больным коленям становится лучше от авокадо и 16-часовых промежутков без еды. Ребята, завтра я еще кокосовое масло куплю! Будете как новые! У меня все записано, я знаю, что теперь надо есть. Экстра верджин, чтобы вернуть вам девственность.

Перелез через перила на бетонный волнорез – сделать снимок рыбака. С пятого раза получился хороший кадр, кажется, он подойдет для обложки сингла из двух песен: призрак и катехон. Черная фигурка с удочкой в дождевике, маленькая, как персонажи фильмов Дэни Вильнева, наедине с этой реальностью, зажатая между двух бесконечностей: моря и густого облачного неба.

Выбравшись обратно на набережную, почувствовал счастье творческой удачи; как вдруг вспомнил про «Киндл». Ждать я больше не мог, достал из рюкзака электронную книгу, подошел к какому-то каменному постаменту:

- Хочешь меня выебать, сука? – спросил сквозь зубы и сильно шваркнул книгой о край.
- Прохожий парень сзади икнул и сказал:
- В курсе, он реально меня испугал!
- Пойдем, пойдем отсюда, – ответила ему спутница.

Местные часто так говорят: «в курсе» – без всякого смысла, а еще очень часто – «получается». У Вероники, королевы «Приусов», бывало, в одном предложении что-то получалось два-три раза. Ладно, с книгой ничего не произошло. Ни царапины, ни следов удара, никаких последствий. Экран не треснул, она включилась как ни в чем не бывало. Я сел на лавочку, порылся в меню, нашел способ опять включить прогресс чтения, после чего немного почитал и пошел на остановку. Буду привыкать, буду учиться смирению. Все-таки это настоящее волшебство, что с книгой ничего не случилось, значит, нам уготована долгая совместная жизнь.

Это был срыв, но не совсем запой – скажем, полузапой продолжением почти две недели. В течение дня я держался, а вечерами пил. Лето было очень жаркое, но я не мог пользоваться кондиционером, дышать высушенным воздухом было ново и вызывало кашель, поэтому потел и летел от слабого к крепкому. Каждый день звонил режиссер Максим из Москвы, но когда у них еще было утро, мне уже тяжело было прикидываться трезвым. В какой-то момент он все-таки уговорил меня сниматься. Что-то шелкнуло во мне, и я понял, что на крючке. Может, тут моя пьянка и помогла ему в найме.

В тот разговор я смотрел в окно на закат над сопками, а Максим пересказывал новую версию сценария. «Тезисно, – говорил я, – будь краток». – «Хорошо, хорошо», – отвечал он. Но все равно не мог остановиться, пока не проговорит каждую сцену. В довесок он еще прислал видео с мест, где будут проходить съемки. Якутия, золотодобывающий завод; фрагменты нового мира – и еще съемки с лодки в море Лаптевых. Нам предстоит побывать на новейших территориях для меня. Ему нужен был мой и только мой лик в этих локациях. В конце рассказа

персонаж остается один, без семьи, на маленьком острове, в маленьком заброшенном маяке. На острие смертельной агонии. Отец покончил с собой, брат утонул. Мне (герою) остались только видения.

«Туман» – так Максим хотел этот фильм назвать.

– Ладно, я верю, что это главная роль. Теперь похоже, что фильм может получиться.

– Он точно получится. Твоя роль – главная, и никто ее лучше тебя не сыграет.

Я отключился, сделал глоток и подумал: ну вот, зачем я ввязался во что-то еще? Мне ведь и так слишком много всего, что есть в жизни. Я ведь ничего не ищу, особенно взаимодействия с алчными и вздорными богами киноиндустрии.

Но теперь нужно было готовиться к роли. Нужно было лететь в Москву на репетиции и примерку костюмов.

Первая сцена по сценарию – встреча с братом, когда кино-я только что откинулся после отсидки. В те дни я стал воспринимать свой алкогольный крен как тюрьму, как ненаписанную предысторию. Мой герой еще сидит, а я еще пью. Но когда начнется работа в команде, мы с ним встретимся в одном теле. Я завяжу и буду жить трезво, а кино – это как стих, как вспомогательный образ. Запой – тюрьма.

Каждый вечер толерантность росла, приходилось выпивать все больше, и теперь действовал только крепкий алкоголь, без которого спать не удавалось. Утром желудок было не заставить работать, лицо приобрело цвет матери-земли. Нужно было выпить несколько литров воды и проблеваться, чтобы употребить дозу опохмелки и после этого что-то съесть. Тем не менее я вел дневник от лица своего героя в духе записных книжек Камю. Несколько раз я уже снимался в фильмах и выбрал для себя такой формат подготовки. Играть что-то я не собирался и не умел, нужно было стать персонажем, медленно перебраться – из себя в него.

Я тогда жил не на острове, а в самом Владивостоке, в роскошной хате, но неудобном районе. В последний перед Чудо-дедом вечер выпил уже две бутылки коньяка в харю. Одну, пока ждал Севу в гости с работы, и вторую, пока мы болтали о творчестве. Сева работает оперным певцом в местном филиале Мариинского театра, также играет в кавергруппе, а еще он спродюсировал альбом моих верлибров – написал великолепный эмбиент к стихам. Сева не поехал на Русский остров, где живет, так как был слишком пьян, чтобы садиться за руль, и вырубился у меня в кухне-гостиной. Вероника в ту ночь не пришла, ночевала у себя.

Я был очень пьян и залег на огромной кровати в спальне, как упал в кому. Но проспал лишь час и, проснувшись в ужасе среди ночи, понял: я готов затребовать у Вселенной, воззвать к помощи, попросить о дарах, – как велел делать печально известный комик по имени Джим Керри. Вселенная, помоги избавиться от тяги.

Мне нужна помощь, сам не могу оттолкнуться от дна. Решение я принял еще полгода назад, на реабилитации, но оно по-настоящему вызрело лишь сейчас. До этого всегда была фига в кармане. Я хочу жить трезво, без панических атак, без похмельной злости, без страха умереть от сердечного приступа, без этой беспорядочной ебли, без животного вдохновения. Мне нужно двигаться на ровном, как Сновидцу-По-Призванию. Готов подняться на следующую ступень, как бы стерильно и одиноко на ней ни оказалось.

В липких отходняках ворочался в постели до наступления утра. Потом стал тихонько убираться, стараясь не разбудить Севу, выливал пиво из недопитых бутылок. Я сварил Севе кофе, он встал и сразу принялся разминать голову, махать руками и петь какие-то рабочие фрагменты на разных языках. Русский, английский, немецкий. В общем, готовился к рабочему дню.

– Ты говорил, что брат в завязке. Узнай номер Чудо-деда, – попросил я.

– Какого нахуй деда?

– Ну, который заговорил или закодировал твоего брата. В жопу выебал, я не знаю. Как в том анекдоте. Про закодированного у кузнеца.

– Да, в курсе, я тогда тебе щас скину номер Гриши просто. А че за анекдот?

Пока Сева пересылал мне номер брата, я рассказал ему анекдот. Мужик выходит из тюрьмы, хочет отпраздновать, но все собутельники говорят, что их закодировал кузнец. Ладно, мужик тоже идет к кузнецу, просит закодировать его. Кузнец пристегивает наручниками к верстаку и трахает в очко. Потом говорит: узнаю, что пьешь, всей деревне расскажу.

– А, вот что, – лишь усмехнулся Сева. Мне тоже это уже не казалось смешным.

Через несколько часов я был в поселке Трудовое. Надпись на калитке сообщала, что дом охраняется крупной собакой. Чтобы быть пунктуальным, я несколько минут походил по пыльной дороге, потом позвонил в звонок. Голос из динамика велел ждать, потом высунулся Чудо-дед. Он оказался крепким мужиком под полтинник.

Чудо-дед сухо и строго пожал мою руку:

– Проходите.

Полуврач-полусвятой, он переоборудовал гараж под процедурный кабинет для изгнания бесов.

Тут были старенький музыкальный центр, несколько икон, свечи, стул и плетеное кресло. Меня Чудо-дед усадил в кресло. Я вспомнил фильм со Шварценеггером, кажется, назывался он «Клон», что удивил меня в отрочестве. Клоны-наемники там шли на смерть не раздумывая, зная, что в следующую минуту после того, как умрут, появится их двойник, наделенный памятью только что умершего. Они меня восхищали, в этом была настоящая самоотверженность, когда ты не заиклен на сиюминутном своем существовании. С другой стороны, мне казалось, что это сатанизм – настолько презирать оригинал, данный Богом.

Я и моя болезнь стали единым целым, мы как будто по очереди выходим к рулю, пока второй набирается сил и отдыхает в театральной могилке. Но мы так срослись, и границ между Я и Оно совсем нет, градиент настолько зернист, неоднороден, что совсем непонятно, где тут отрезать сиамского близнеца.

– На какой срок вы хотите отказаться от алкоголя? Год-три-пять?

– Навсегда, – твердо сказал я. Обратной дороги не было.

– Это правильное решение.

– Иначе нет смысла.

Чудо-дед поднес палец к губам: «ш-ш-ш».

Я вспомнил ночь в рехабе. На соседней койке похрапывал сосед, а я смотрел на верхушки заснеженных елей через окно. Звездное небо говорило: «Не бойся». Ели походили на пару замерзших в неудачной попытке разрушения Годзилл. Нарушая режим, поднялся с постели, тихонько стал спускаться с третьего этажа. Первые две недели на реабилитации я курил сигареты, иногда желание курить было нестерпимым, так одна тяга мимикрирует под другую. Уже зная, какие ступеньки не скрипят, спустился мимо комнаты админа. Вышел на веранду, занесенную февральским снегом, босиком. Глядя на луну, сказал себе, что смогу. Ноги кололо и жгло лютой ледяной коркой. Было где-то –12. Я скурил полсигареты, потом взял бычок в левую руку и вжог его в правую, между большим и указательным пальцем. В том месте, где обычно держу рюмку. Но шрама почти не осталось, и через четыре месяца случился первый срыв. Потом еще один – меньше чем через месяц случился второй срыв, который заканчивался здесь и сейчас.

– Ясно, – сказал Чудо-дед и уставился мне прямо в глаза. – Как пытались бросить?

– Дважды завязывал сам на долгий срок. В этом году полежал на ребе.

– Тут где-то?

– Под Петербургом.

– И сколько они брали?

– С меня пятьдесят тысяч... Это со скидкой.

– Фу, – Чудо-дед скорчил брезгливую гримасу.

Я попытался задать какой-то вопрос, но он резко махнул рукой и начал говорить. Он говорил минут 25, все время глядя мне в глаза. Первые пару недель я помнил его монолог, но когда начинал записывать по памяти, вся магия пропадала. Думаю, этот дед – не просто врач на пенсии, но правда святой. Он много лет проработал наркологом и теперь миксовал разные практики лечения, вкладывая свое внутреннее пламя, к которому следовало искренне потянуться. Искренен ли я?

В принципе, почти все, о чем он говорил, я читал в литературе, обсуждал эти вопросы с ребятами в психушке и на реабилитации. Но Чудо-дед имел убедительный голос. Я смогу, я смогу, я смогу.

Он дошел до кульминационного, как я понял, места, и перешел на «ты»:

– Запомни. Первое. Не существует никакого повода. Хорошо тебе или плохо, праздник или горе. Нет повода. Нужно выпить со всеми – выпей компот.

Я кивнул.

– Второе. Можно разливать, можно смеяться с другими. Но ни в коем случае не пробовать. Ты не самый умный. Ты болен. Кто-то может выпить рюмку, у кого-то дома есть бар и он каждый день проходит мимо бутылок. Но это не твой случай. Можно обмануть других, режет себя, но ты никогда не обманешь болезнь.

Я кивнул.

– Третье. Кефир или квас – сколько в живот влезет. Но пиво, лекарство на спирту, нулевка – все это исключить.

– Нулевка?

Он опять: «ш-ш-ш».

– Раньше я разрешал безалкогольное, и многие срывались. Запомни, что такие поддавки добром не закончатся. Рано или поздно за компанию на шашлыках или в гостях ты глотнешь обычного пивка. А как только алкоголь окажется в тебе, если ты алкоголик... А ты алкоголик, как мы сейчас поняли... Твоя болезнь проснется. Через несколько дней ты будешь в запое.

Я дернулся в сторону рюкзака.

– Можно мне взять ручку и блокнот?

Чудо-дед опять отмахнулся:

– Я сейчас повторю это двадцать раз. Не надо ничего писать. Сердце открой.

Он повторял, он искал свежие образы. Болезнь можно поставить на паузу, но не отмотать назад. Ведь он прав, у меня было всего два непродолжительных срыва после ребы, но я быстро дошел до новых рекордов.

Раз мне пришлось позвонить другу, чтобы не покончить с собой. Нужно было, чтобы кто-то услышал, как я плачу и боюсь. Есть только один человек, которого я решил потревожить этой ерундой. Во второй раз я без гондона в первую же встречу трахнул девчонку-корейку во все три отверстия. А через несколько дней гулял с другой девчонкой по центру Владивостока и начал ей сперва отлизывать, а потом и присовывать прямо на улице. Если бы не знакомство с Вероникой (наши сексуальные отношения начались прямо в офисе у друга-басиста, где я ночевал пару дней до того, как заехал в квартиру), я бы катился дальше, пока кто-то не подобрал бы меня. Сопrotивляемость алкоголю заканчивается. Вероника все-таки спасла меня, спасибо ей, что бы ни случилось после, спасибо тебе, Вероника.

Чудо-дед велел закрыть глаза, а сам орудовал со свечами. Потом взялся за мою макушку и грудь. Мы простояли так минут пять.

– Что вы чувствуете?

– Некоторую панику.

– Сейчас какое-то тепло, холод, что-то происходило?

– Мне было страшно. Но я не почувствовал сверхъестественного. В экзорцизм ваш поверил, но не буквально.

Чудо-дед замер с непроницаемым лицом, видимо пытаюсь что-то внушить. Еще я понял, что ему не нравится моя педантичная манера изъясняться. Врачи этого не любят, они считают, что разговор – это лишь фоновая музыка, а для меня он – способ отфильтровать смыслы. Но факт в том, что хоть потусторонние вещи со мной происходят, сейчас подыгрывать Чудо-деду я не стал.

Все, может, и случилось, но без спецэффектов.

– Спасибо. Думаю, я вас понял. Просто понял.

Достал пять тысяч, расплатился и двинул на выход.

– Удачи вам, – сказал он.

Мне захотелось освоить эту профессию, и если не так ей распорядиться, то вложить этот опыт в книги. Все мои романы – это борьба с болезнью. Но пока, видимо, лишь на время удавалось одолеть симптомы. Алкоголизм возвращался с новой силой.

У меня есть ответ: навсегда. Если и будет срыв, то я выберусь. Внимательно рассмотрел свои руки; близился вечер. Вот они пальцы, вот они ногти, фаланги, сгибы, вены, по которым течет моя кровь: будь честен. В деревенском магазинчике неожиданно обнаружилась пачка копченого тофу, которую я съел на остановке. Потом набрал Веронику, она должна была скоро закончить смену и выдвигаться ко мне. У меня где-то валялась одна таблетка феназепамы, что нынешней ночью была необходима.

У нас случилась неделя тихого счастья. Во всяком случае, мне казалось, что это чувство обоюдное. Прежде всегда важнее всего был запах, а тут чувство прорастало как-то иначе. Питалась Вероника абы как, курила и, что самое мерзкое, – потребляла молочные продукты и (по временам, кичась этим и описывая подробности в своем вк-паблике) даже страдала запорами. То есть это была не та женщина, которая пахла свежими цветами. Но ленивая косолапая походка, шутливые интонации, восторженно наигранное отношение к хую давали чувство реальности, жизни в моменте. Если я один, дни проносятся мимо, даже когда удается подчинить себе режим, много работать и заниматься спортом. Грезы выходят на первый план. Теперь появилась возможность без всяких ссор пожить, как, может быть, живут нормальные люди.

Когда у Вероники были выходные, мы ездили в места купания, любимым из которых для меня стал малюсенький пляж в поселке Рыбачий. Можно было обойти скалы, и ты оставался наедине с Тихим океаном. Прыгаешь вниз головой и плывешь. Пару раз я ездил с ней по заказам. Разглядывал районы города, когда она надевала рабочую футболку, хватала сумку-холодильник и доставляла корейскую еду. У нее были мелкие рабочие шутки, типа называть персонал давалками Миринэ, или стишок, в котором «холодная лапша, ведь курьерка Вероника доставляет не спеша».

У нее были смутные творческие планы, она знала по именам многих здешних музыкантов и вскоре по моей просьбе привезла в квартиру гитару и маленький комбик. Мы часто валялись в обнимку и предавались мечтам о творчестве. Еще я рассказывал о своем опыте – как записывался с тем или тем музыкантом, реп-певцом, и прочий-прочий кал.

– У меня будет альбом «Мои бомжи». Про всех неудачных ебырей (так она говорила, через Ы). На тебе его и закончу.

– Да, недаром меня называют Принцем Бомжей.

– Так тебя зовут? Не слышала.

– Это мое тайное имя, да, я Супербомж.

– Хороший бомж, чтобы закончить карьеру шалавы.

– Хороший бомж – это не бомж!

– То есть плохой все-таки?

– Чем хуже бомж, тем он лучше, – согласился я.

Я делал свои дела, иногда ездил к Севе на Русский остров записывать музлю. Вечером перед моим вылетом мы пошли в кино. Я купил билеты, и, чтобы убить лишнее время, мы поднялись в ресторан, где Вероника пила пиво, а я – чай. После сеанса ей нужно было за руль, поэтому она взяла только 0,33.

– Как раз высу, и в тачку, – заявила Вероника.

Я протянул руку и засунул палец в пену. Возникло искушение облизать его, даже время слегка замедлилось, но я просто вытер жижу о салфетку. Веронике принесли пасту, а мне овощной салат, посыпанный семечками. Порция была так себе, но все равно мне очень не хотелось улетать: август – лучший месяц во Владивостоке.

– Зачем я ввязался в кино это?

– Но это же интересно, вот и ввязался. А я тебя очень жду.

Мы стояли в очереди за попкорном у входов в кинозалы, когда пришло сообщение от Кости: Элеонора умерла.

Я ничего не сказал вслух, просто прошел к столику в ближайшем кафе и сел. Мелькнула мысль, что надо бы дать Веронике карточку, чтобы она не платила своими деньгами, но руки не слушались, тем более голос. Вероника расплатилась, подошла и спросила, что случилось, когда я растирал между пальцев несколько слезинок, которые выпали из глаз.

Я вдохнул и выдохнул, но сразу не вышло ответить.

– Эй, Супербомж, ты чего? Женя?

– Надо посидеть.

Вероника села напротив и просто ждала.

– Прости. Моя первая девушка умерла.

Вероника взяла меня за руку.

– Понимаешь. Хрен с ним, если вторая или третья. Но первая – это другое.

– Понимаю. Остальных будто и не было.

Такое участие проявила Вероника, что я понял: совершил ошибку. Нужно было сейчас сохранить это в себе, отмахнуться и не раскрываться. Но я уже открылся, и теперь не смогу ни в чем ей соврать. Я предварительно проиграл, она меня бросит. Но у меня есть какое-то время. Мы зашли в зал и выключили телефоны. Сложно сказать что-то положительное о фильме Найта Шьямалана «Время». Я пил пепси, ел попкорн и старался не пропускать ни одной сцены, чтобы прошлое не проникло в этот хороший день, не всосало обратно. Правая рука лежала между ног Вероники. Актеры бегали по фантастическому пляжу – на котором время стремительно бежало и заставляло их стареть на несколько лет в час, – как стадо овец по пустырю в момент землетрясения. Гарсиа Берналь выглядел так, будто его карьеру не восстановить после этого провала.

Когда режиссер появился в кадре, я шепнул Веронике, что это он.

– Кто?

– Найт. Найт, автор этого бреда. Найт, – тихонько сказал я. – Ты чего, брат? Ку-ку?

Фильм никуда не годился, и если бы не уродливый момент, где героиня, которую играет модель Эбби Ли Кершоу (нагуглил после фильма, понятия не имею, кто такая), переламывает себе все кости в пещере, меня бы, пожалуй, накрыло отчаяние от бессмысленности всего. Но благодаря этой нелепой сцене я испытал простое чувство – доброе старое отвращение. После фильма я зашел в туалет, выпил воды из-под крана и проблевался.

Да нет, сцена тут ни при чем, это реакция организма на новости. Дома мы по очереди сходили в душ. Насчет того, чтобы поставить пистон, сегодня не могло быть и речи. Вероника залипала в телефоне, ругалась со своим бывшим (она называла его исключительно абьюзером), который на днях вычислил, где мы проживаем, и поцарапал ей машину ключами. Я предложил зайти к нему домой и поговорить жестко, но она сказала, что сама разберется. Потому что он

настоящий ссыкун, которому будет много чести, если приду я. Бывший, кстати, дал мне заочное прозвище: Богатый Чювак из Москвы, и это было смешно, но сейчас смеяться не хотелось.

– Куплю чего-нибудь, – сказал я и пошел в магазин.

Мне показалось, что я увидел абьюзера, парня лет двадцати пяти в капюшоне, одиноко сидевшего на бордюре с видом на наш падик. Вспомнил, что и сам ждал так Элеонору, тихонько сгорая от ревности, пока она гуляла с какими-то торчками. Сейчас взрослеют позже, и мои восемнадцать в пору его возрасту. Я взял несколько батончиков из раздела диетического питания, сок, соевое мясо.

Когда шел из круглосуточного супермаркета, парня уже не было. Даже жаль: я был бы не против разок дать ему в челюсть, если бы он решился прыгнуть. Помог бы его становлению, взрослению.

* * *

Элеонора возникла рядом с моим другом и напарником Костей: училась с ним на отделении журналистики, то есть со мной на одном потоке. Сам я оказался на филологическом факультете, заурядном отделении: русский язык и литература. Сперва не обратил на Элеонору внимания, только поверхностно зафиксировал: какая-то относительно богатая неформалка из центра, решил я. Зачем она с нами курила на перерывах? Притом сигареты курила дорогие, у нее уже тогда была банковская карточка, одевалась она странновато, в сторону хиппи. Часто курила траву. Короче, тянуло ее к богеме, а мы, видимо, и были местной богемой. Против травы я ничего не имел, но предпочитал все-таки алкоголь. Элеонора могла купить что-то поесть, но передумать или оставить банку недопитой колы. А еще она выглядела младше своих лет. В общем, я даже и подумать не мог, что она станет моей девушкой, никто из нас поначалу интереса не проявлял к другому.

Я вообще имел все меньше представления о том, какой будет моя девушка, с каждой неделей. Отдалялся от всех учебных процессов и выводов о том, на какую цыпу могу рассчитывать и будет ли у меня когда-нибудь ебля.

Как-то раз позвали в гости на пьянку домой к старосте журналистов. Я доехал до остановки «Главпочтамт» и там встретился с Элеонорой. Мы вместе сели в другую маршрутку и поехали через мост в частный сектор. Так получилось логистически, что мы ехали вдвоем, потому что у нее был мобильник, с ней я не должен был заблудиться.

– Подожди, – сказала Элеонора. – У меня есть одно дело.

Мы вышли на пару остановок раньше и пошли вдоль ветхих домов по осенней слякоти. Элеонора набирала какой-то номер и ругалась на длинные гудки. Потом она увидела цыганку и махнула ей.

– Стой, – сказала Элеонора мне.

Я остановился, она дошла до цыганки, обменялась с ней парой реплик, потом цыганка отбежала метров на тридцать и указала куда-то рукой. Элеонора пошла в том направлении, махнула мне, и я пошел к ней. Далее мы нашли большую ржавую трубу, из которой когда-то текла канализация. В трубе Элеонора шарила рукой, пока не нашла упакованный в пузырчатую пленку, обмотанный резинками маленький пакетик травы.

– Ого, как сложно все у вас тут. Я бы не стал так заморачиваться.

– А покурить-то ты станешь?

– Откажусь едва ли.

– Ну вот, люби и саночки.

Лет до двадцати я от такого не отказывался.

Нас ждала вечеринка в одном из этих ветхих домиков забытого Богом района. Пили водку, их староста вне стен университета оказалась обычной болтливой деревенской девкой.

А ее парень вообще был участковым ментом, к тому же значительно старше нас. На всякий случай я старался не подавать виду, что накурен, но ничего: быстро напился, и это перестало бросаться в глаза. Разговоры происходили вокруг их тем: факультет журналистики, сплетни, местные газеты. Мне нечем было блеснуть, и в основном молчал.

Но каким-то образом все же мне перепало пососаться с крестьянского вида бабой – даже потрогал, кажется, ее за пизду и потом понюхал пальцы: пахло половой тряпкой. Вырубился на кресле-кровати. Проснулся рано, вышел попить на старенькую кухоньку, понюхал руку еще раз, теребя свой нос тремя пальцами, надеясь уловить ушедший запах вагины, может быть, отредактировать в памяти, но уже ничего не разобрал. Сам я провонял сеном, с чего бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.